

РАНИЕ июльское утро было по-особому нарядным. Золотисто-багровое солнце величественно выплывало из-за горизонта, щедро заливая теплым светом голубые вершины гор, белые коробоки утопающих в зелени домиков. Город только просыпался, когда Геронтий Сергеевич вошел в свой кабинет.

На столе лежала сводка за прошедшие сутки. Пробежав ее глазами, Молочинский невольно улыбнулся: шутка ли, 153 процента нормы! Если так пойдет дальше, то и второе полугодие коллектив закончит досрочно!

Неожиданно в дверь постучали.

— Войдите, — не сразу ответил занятый своими мыслями Молочинский и обернулся.

На пороге стоял среднего роста широкоплечий мужчина в ладно пригнанной морской форме. Синие глаза весело глядели на капитана порта.

— Сеня, ты?!

— Геронтий, дорогой!

Мгновение спустя боевые друзья крепко обнимали друг друга.

...Геронтий Сергеевич Молочинский с детства «заболел» морем. Еще мальчишкой часто сидел он на берегу, глядя, как швартуются в порту корабли. Мечты о далеких странах не давали покоя.

Парню повезло: призвали служить на флот. Плавал на разных судах.

Однажды Молочинский прочитал в «Комсомольской правде» объявление о комсомольском наборе на ледокол «Красин». Чье молодое сердце могло остаться равнодушным при упоминании об этом прославленном судне? Тем более, Геронтия Сергеевича давно манил Северный Ледовитый океан. Написал письмо в ЦК ВЛКСМ: «Я комсомолец. Вот уже пять лет плаваю на пароходах. Имею специальность кочегара и матроса. Прошу зачислить меня в экипаж «Красина». Просьбу удовлетворили. Ходил на

«Красине» в Арктику, а в 1940 году его перевели на ледокол «Микоян», только что построенный на верфях Николаева. Там и познакомился два будущих капитана дальнего плавания —

в вождении Черноморской эскадры. Далее — самостоятельно, без охраны. Ночью благополучно пробрались в Средиземное море, но у острова Родос, где находилась фашистская база, на-

ник принял его за ледокол и продолжал торпедно-артиллерийскую атаку.

Тем временем «Микоян» прибавил ход и вышел из опасной зоны. Четыреста восемьдесят пробоин получил корабль, но все же добрался до палестинского порта Хайфа, входившего в систему английских баз. Сколько было смеху, когда наутро итальянское радио передало: «Вчера потоплен советский ледокол «Микоян»! Но к светлому чувству радости примешивалась горечь утраты — многих друзей недосчитались тогда...

Наскоро проведя ремонт, «Микоян» направился к берегам Южной Америки. По пути для отпугивания вражеских кораблей на носу соорудили деревянные макеты пушек. Однако, в первом же уругвайском порту экипаж подстерегала новая неожиданность — с берега ответили: «Военные суда не принимаем». И только когда полиция и таможенники разобрались, в чем дело, корабль вошел в гавань.

Много испытаний выпало на долю моряков, прежде чем они пришли к родным берегам....

В 1943 году Семен Яковлевич и Геронтий Сергеевич расстались. Только спустя 38 лет друзья встретились вновь.

Долгие годы Г. С. Молочинский плавал капитаном на многих отечественных ледоколах, а в 1964 году был переведен в Феодосию капитаном порта. С. Я. Клейн и сегодня продолжает работать на судне «Павел Постышев». Семнадцать лет преподавал в Херсонском мореходном училище. Но все же не выдержал — тянул к себе капитанский мостик....

...За разговорами и воспоминаниями незаметно прошло время. Настала пора прощаться. Они поднялись из-за стола подтянутые, молодцеватые. Два капитана, люди, беззаветно любящие море.

Н. БОРОДАЕВ.
подполковник в отставке.

На снимке: С. Я. Клейн (слева) и Г. С. Молочинский. Фото А. Соколова.

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ 38 ЛЕТ

Г. С. Молочинский и С. Я. Клейн...

В начале Великой Отечественной войны ледокол «Микоян» переоборудовали во вспомогательный крейсер Черноморского флота. Много славных дел на его счету: оборона Одессы, Севастополя, Новороссийска, бои с кораблями и авиацией противника. Вскоре по решению Советского правительства корабль разоружают и направляют на работу в арктические воды. Предстоял нелегкий путь: Средиземное море, Атлантика, Тихий океан...

До Босфора шли в сопро-

рвались на итальянские катера. Окружив безоружный ледокол, фашисты запросили о принадлежности судна и приказали следовать с ними на базу. В ответ — молчание. «Микоян» продолжал путь, не меняя курса. Тогда фашисты открыли шквальный огонь. Счастливая случайность помогла судну избежать гибели. Один из снарядов попал в бензобак спасательного катера, установленного на палубе. Раздался мощный взрыв, и через 10—15 минут мостик и надстройки были охвачены пламенем. Катер сбросили в море. В темноте против-